

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

[36] ... фо фа у он гунчу ... [Во имя] дхармы Будды не надо принимать никаких усилий. ; 如石帶用如, 向前頭上覺人
 ... [74] Жу Ши-гун юнчу сян цзянь тоу-шан ми жэнь ... Что касается практики Ши-гуна, то он искал человека с помощью острия стрелы ... ; ... 親如作摩生 [109] ... цинчу цзомашэн ... а что представляет собой приближение? ; 討取個分明竟如 ... [48, 387a] Таошуй гэ фэньсяочу ... Требуйте хоть какой-то ясности...
Чу отмечено также как вторая часть нескольких наречий со значением "везде", "повсюду", "всегда": 隨如 [31, 36, 39, 46, 49, 75 и др.] суйчу, 立如 [49] личу, 到如 [52, 89] даочу. Примеры. 你且隨如作至 ... [36] Ни це суйчу цзо чу ... Вы же всегда оставайтесь хозяевами [ситуации]... ; 隨如作至, 立如
皆真 [49] Суйчу цзо чу личу цзе чэнь Всегда будь хозяином, тогда повсюду будет истина. ; 若到如大善前, 甚作什麼
 [52] Жо даочу жэнь цзинь кэнь кань цзошэмма Если же люди повсюду [лишь] соглашались с ними, то для чего они нужны?

В заключение отметим, что ограниченный объем статьи не позволил нам исчерпать все случаи употребления чу в текстах танских вйду - мы остановили свое внимание лишь на наиболее широко представленных в них функциях. Так, за пределами рассмотрения остались чу - глагол со значением "находиться", "помещаться", чу, оформляющее условное предложение, употребление чу в функции, близкой к субстантиватору 者 чэ и некоторые другие, также встречающиеся в изучаемых текстах.

- I. Иллюстративный материал приводится по изданиям: "Линь-цзи лу" - 臨濟錄. 柳田聖山訓注京者, 1961. [цифра без буквенного индекса соответствует номеру параграфа]. "Пан цзэй-ши вйду" - 龍居士語錄. 入矢義高 [сост. и комм.] 東京瑞摩書局. 1973, в сер. 禪の語錄, вып. 7 (индекс П., указывается страница). Все остальные тексты цитируются по 大正新修大藏經, т.т. 47, 48, Токио, 1928 (периздание 1976). (индексом служит номер тома, следующие цифры указывают страницу, столбец - а, б, в).

И.Т.Зограф

К ИЗУЧЕНИЮ КИТАЙСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА ДАНЬСКОЙ ЭПОХИ

Последние три десятилетия характеризовались активизацией изучения истории китайского языка как за рубежом, так и, особенно, в СССР. В результате получил достаточно полное освещение и тот

остававшийся до недавнего времени практически неизученным значительный период его развития, который лежит между древнекитайским и современным китайским. Это - период формирования и закрепления нового литературного языка байхуа, то есть языка, опирающегося на нормы разговорной речи, а потому основное внимание исследователей обращалось на письменные источники, в той или иной мере отражившие живую разговорную речь своего времени. К настоящему времени уже подверглись всестороннему лингвистическому анализу и подробному монографическому описанию наиболее репрезентативные памятники такого рода.¹

В ряд подобных работ встает и вышедшая в 1983 г. книга Светланы Римской-Корсаковой Дайер "Грамматический анализ Лао Ци-да с английским переводом китайского текста".² Лао Ци-да - авторитетный и очень популярный в Корее учебник китайского разговорного языка ваньской эпохи (северный диалект).³ Точное время создания первоначального варианта текста, равно как имя его автора, а также смысл названия,⁴ не известны. Ваньской эпохой - XV в. - он датируется лишь по косвенным свидетельствам и упоминаниям в корейских источниках.⁵ По мнению исследователей, оригинальный текст Лао Ци-да утрачен, и ныне в распоряжении ученых находится скорее всего его позднейшая переработка.⁶

Особая ценность текстов Лао Ци-да состоит в том, что они отражают подлинный разговорный язык своей эпохи (не байхуа вообще, понимаемый как "разговорный" в противоположность вэньяню, а именно обиходную его разновидность) и потому для истории китайского языка (байхуа), восстанавливаемой главным образом по литературным произведениям, оказываются совершенно незаменимыми. Конечно, надо учитывать, что эти тексты, предназначенные для учебных целей, касаются прежде всего явлений повседневной жизни, и, естественно, написаны более бедным и более простым языком, чем, например, ваньская драма или роман.⁷

Книга С.Римской-Корсаковой делится на две части - исследование (с. I-300) и факсимильное воспроизведение оригинального китайского текста с параллельным английским переводом (с. 301-495). Грамматический очерк, составляющий три четверти объема исследования (9 глав из 14), сходен с посвященными среднекитайскому языку более ранними работами других авторов в том отношении, что здесь, как и там, не ставится цель дать исчерпывающую грамматику исследуемого текста, а основное внимание уделяется явлениям, отличающим язык памятника от современного или же представляющим какой-то специфический интерес. Эти явления весьма тщательно разби-

раются автором на основе всех отмеченных словоупотреблений, учет которых облегчается ограниченным объемом Лао Ци-да.

В то же время используемая С.Римской-Корсаковой схема описания в некоторых частях существенно отличается от принятой в наших работах. Ее грамматический очерк состоит из следующих глав: 1) местоимения, 2) слова с временным значением, 3) меры, 4) приглагольные слова (сөгерби - сюда включаются предлоги и служебные глаголы), 5) наречия, 6) союзы, 7) глаголы, 8) частицы (для их описания данный текст, строящийся как диалог, открывает особенно благоприятные возможности), 9) редупликация и аффиксация (под аффиксацией имеются в виду и префиксы, и суффиксы; сюда же включены и глагольные показатели). Композиция эта представляется не во всем удачной. В частности, обращает на себя внимание отсутствие раздела, посвященного местопредиктивам. Таковые отнесены в главу "Наречия", где вообще оказываются собранными функционально весьма разнородные явления. Например, среди вопросительных наречий мы встречаем 幾時 цзиши "когда?", 那裏 нали "где?", слова со значением "как?", "каким образом?" (怎 цзэнь, 怎生 цзэньшэн, 怎麼 цзэмма, 怎的 цзэньды), слова, употребляющиеся при вопросе о причине (為甚麼 вэйшэмма и 要甚麼 яошэмма), отрицание 不曾 буцэн в неполной форме повторного вопроса (когда буцэн находится в конце предложения), 如何 хуэхэ в конце предложения. Не выделяя класс местопредиктивов и включая их в наречия, автор оставляет в тени существенную особенность этих слов - их способность функционировать как самостоятельное сказуемое, что, в свою очередь, порождает грамматически неверные толкования и не совсем точные переводы; автор не выделяет также и функцию постпозитивного определения к сказуемому, которая присуща местопредиктивам, могущим быть самостоятельным сказуемым.

В числе наиболее интересных особенностей языка Лао Ци-да, отмечаемых С.Римской-Корсаковой, хотелось бы назвать следующие.

Из личных местоимений, свойственных среднекитайским памятникам северной группы, здесь используется только 咱們 цзамэнь, остальные - 俺 ань, 您 нинь (с суффиксами и без них) - отсутствуют; нет и суффикса множественности 每 мэй; что же касается суффикса мэнь, то он возможен не только с местоимениями и одушевленными существительными - названиями лиц, но и такими существительными, как 馬 ма "лошадь" и 頭口 тоукоу "скот". Из двух возвратных местоимений - 自己 цзыцзи и 自家 цзыцзя - обычным является лишь цзыцзи; цзыцзя встречается редко и не в диалогах. Указательные 這 чжэ и 那 на как свободные местоимения

не употребляются; они встречаются: а) перед классификатором, б) перед существительным (как определение к нему), в) в формах 這的 чжэды и 那的 нады.⁸

Обращает на себя внимание чрезвычайная продуктивность в Лао Ци-да суффикса 頭 тоу, часто выступающего в сочетаниях с существительными, обозначающими время (後頭 хоуту "потом", 初頭 чутоу "начало", 盡頭 цзиньтоу "конец" и др.) и место (裏頭 литу "внутри", 下頭 сятоу "внизу", 後頭 хоуту "позади", 前頭 цянтоу "вперед", 外頭 вайтоу "снаружи", "вне", 邊頭 бянтюу "сбоку", "рядом" и др.).

Наблюдается тенденция заменять специальные (частные) классификаторы (которые здесь очень похожи на употребляющиеся в современном языке) общим классификатором 箇 гэ.⁹

Своеобразную картину дает система предлогов: в значении "для" используется только 與 юй, отсутствует не только 給 гэй, которого нет и в других текстах этого времени, но и 替 ти; инструментальное дополнение вводится посредством среднекитайского 着 чжао, тогда как обычное в современном языке и употребительное в других текстах 用 юн отсутствует; из двух синонимичных служебных слов среднекитайского - 把 ба и 將 цзян - обычным оказывается более "литературное" цзян.

Среди наречий заслуживает внимания группа, названная автором "наречиями вероятности" (вторым компонентом у них выступает морфема 實 ши): 老實 лаоши "честно", 委實 вэйши "действительно", 要實 яоши "действительно", 著實 чжаоши "реально", 其實 циши "действительно". Из слов со значением "так", "такой", соответствующим современному 這樣 чжэян (которые, как уже отмечалось выше, отнесены автором к наречиям), используются 這們 чжэмэнь (не свойственное другим текстам этого времени) и 這般 чжэбань, при этом чжэмэнь встречается чаще, чем чжэбань, и может предшествовать не только глаголу, но и существительному (с показателем определения 的 ды); современному 那麼 нама в начале предложения в Лао Ци-да соответствуют выражения 這們時 чжэмэнь ши и 這般時 чжэбань ши.¹⁰

В Лао Ци-да нет повелительной модальной частицы 咱 ца, употребительной в ваньских песнях.

При очень внимательном в целом отношении автора к каждому словоупотреблению, оказался вообще вне поля зрения С.Римской-Корсаковой ряд специфических грамматических явлений среднекитайского языка, например, предлог 就 цзю "в", "из" (269, 6-7; 279, 10; 312, 3 и др.¹¹), местопредикативы 這等 чжэдэн и 那等 надэн

(348, 9; 349, 1), наречие 別 бе (304, 4; 309, 2; 321, 6 и др.), 被 бэй в начале самостоятельного предложения - "случилось так, что ..." (279, 3) и т.д.; для ряда служебных слов учтены не все их значения или функции, например, повторный вопрос без частиц (306, 1), морфема 時 ши в конструкциях 比及...時 бици ... ши и 等...時 дэн ... ши (277, 3; 307, 1; 343, 9-10; 291, 2; 305, 4; 275, 8), функция определения к существительному для чжэбань (316, 3) и т.д.; следовало бы отметить и синтаксическое своеобразие текста, проявляющееся в частой постановке прямого дополнения перед сказуемым.

В интерпретации отдельных языковых фактов автор, по-видимому, исходит из перевода, а не из анализа оригинальной китайской грамматической конструкции (так, отрицание буцэн, участвующее в образовании неполной формы повторного вопроса, занесено в вопросительные наречия). Этим же можно объяснить и излишнюю детализацию значений некоторых служебных слов (например, 那 на или 着 чжао).

Из частных неточностей укажем лишь на одну. Конструкция 不...那 бу ... на, которую разбирает автор на с.158-159, оформляет одно предложение (точнее, она обрамляет сказуемое предложения), что иллюстрируется и приводимыми на с.158 примерами. Непонятно, каким образом оказались здесь же примеры (с. 159), в которых бу находится в придаточном предложении, а на - в главном.

Перевод в целом выполнен хорошо и серьезных возражений не вызывает. Можно говорить только об отдельных случаях не совсем точной передачи значений грамматических слов. Так, автор не учитывает того, что 這裏 чэли и 那裏 нали в среднекитайском, как и в современном языке, функционируют не только в своем знаменательном значении ("здесь" и "там" соответственно), но и как служебные слова - послелоги ("у", "к"), что и желательно было бы отразить в переводе (см., например, 279, 1; 284, 9; 290, 6; 296, 2; 351, 9). Для предложения 你誰根底學文書來 (262, 2) дается перевод Where (lit. at whose place) did you learn the Chinese texts?, т.е. "Где (букв. в чьем месте) вы изучали китайские тексты?", но правильнее было бы перевести "У кого вы учились китайскому языку (китайским текстам)?".

Послелог 根底 гэнди (根前 гэнчян), введший в заблуждение автора, был обычен в текстах юаньского времени наряду с послелогом 行 хан. Оба они выступали в указываемой нами функции при словах, соотносимых с человеком; личных местоимениях, именах собственных, терминах родства, вопросительном местоимении 誰 шуй "кто?". В "Дань-чао биши" используется вариант гэнчян, в документах монгольской канцелярии - гэнди.

Последующие главы исследования С.Римской-Корсаковой (10-13) посвящены фразеологии: употребительным идиомам, необычным терминам и выражениям, формам обращения, формам вежливости и способам выражения неудовольствия; там же рассматриваются клишированные фразы, включая чэньюи (четырёхсложные идиоматические выражения) и пословицы, встретившиеся в тексте Лао Ци-да.

Несмотря на свой сугубо лингвистический заголовок книга С.Римской-Корсаковой интересна не только анализом языка Лао Ци-да. Автор вводит в научный обиход ценный памятник, представляющий общекультурный интерес и могущий служить источником самых разных сведений о Китае ваньского времени. В нем можно найти описания китайских школ, шелковых и хлопчатобумажных тканей, мостов, китайских и корейских колодцев, гостиниц; узнать, как готовить корм для лошадей и как их кормить, как жарить свинину. Есть здесь тексты, рассказывающие о торговле лошадьми, о луках и стрелах, о типах повозок и их частях, о китайских кушаньях, о докторах и лекарствах, о китайских товарах, продаваемых в Корее, об одежде и обуви, пригодной для различных сезонов и т.д. и т.п. Есть также беседы на нравственные темы: как жить, как обращаться с друзьями, как вести себя в обществе и т.д. Содержание памятника характеризуется в заключительной (14-ой) главе исследования С.Римской-Корсаковой. Кроме того книга снабжена тематическим индексом и индексом грамматических и технических терминов, что делает ее удобной для пользования.

Надо полагать, что это издание, задуманное и выполненное как всестороннее представление лингвистически и этнографически важного источника, будет полезно очень широкому кругу специалистов.

-
1. Библиографию вопроса можно найти в книге И.Т.Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.
 2. *Grammatical Analysis of the Lao Ch'i-ta with an English Translation of the Chinese Text by Svetlana Rimsky-Korsakoff Dyer. Canberra, 1983* (далее - Римская-Корсакова). Здесь и далее мы записываем "Лао Ци-да" так, как это принято автором книги.
 3. Лао Ци-да переводился и на другие языки - монгольский, японский, маньчжурский - для тех же преподавательских целей.
 4. О возможном понимании названия Лао Ци-да см. Римская-Корсакова, с. 5.
 5. Вопросы, касающиеся истории текста Лао Ци-да, его переизданий и различных версий подробно изложены Римской-Корсаковой во

Введении к ее книге.

6. Римская-Корсакова приводит, в частности, мнение Ота Тацуо, также исследовавшего эти тексты, согласно которому язык Лао Ци-да сходен с языком эпохи Вань, но в нем встречаются выражения и словаупотребления более позднего времени (см. Римская-Корсакова, с. 8).
7. Достаточно здесь упомянуть приводимое Римской-Корсаковой наблюдение Ота Тацуо, что в Лао Ци-да используются 8 местоимений (согласно Римской-Корсаковой их 7), тогда как в "Вань-чао би-ши" - 12, а в "Вань цюй свань" - 33. "Он сомневается в пользу подсчета местоимений в ваньских пьесах, поскольку они создавались десятками писателей, живших в разное время, в разных местах и имевших различное образование. Однако он отмечает, что личные местоимения, используемые и отдельными драматургами (например, Гуань Ханьцином), были и многочисленны и сложны" (см. Римская-Корсакова, с. 35).
8. Форма чжэды встречается и в ваньских пьесах, однако там она выступает, как правило, подлежащим при связке 是 ши (см. Зограф. Среднекитайский язык, с. 137). В документах монгольской канцелярии форма чжэды в сочетании с суффиксом множественности 每 мэй - 這的每 чжэдымэй - используется как местоимение 3-го лица в функции подлежащего или определения (И.Т.Зограф. Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984, с. 67-68). В Лао Ци-да чжэды может быть подлежащим, дополнением (стоящим в позиции подлежащего), определением.
Форма нады (в документах - 那的每 надымэй) повсеместно встречается крайне редко.
9. По мнению автора, это вызвано желанием упростить текст и словарь для изучающего китайский язык, или, что более вероятно, текст был написан без большой заботы о правильном использовании классификаторов, как это бывает в разговорном языке (Римская-Корсакова, с. 63). В этой связи нам хотелось бы отметить, что аналогичная картина наблюдается и в литературе на байхуа (см.: И.Т.Зограф. Счет предметов в среднекитайском языке. - ПИЯ и ПИЖНВ, XIII, 1977).
10. В ваньских пьесах таким образом употребляется 您時節 жэнь шицзе "если так", в "Шуй ху чуань" (А) - 您地時 жэньди ши (см.: Зограф. Среднекитайский язык, с. 155).
11. Здесь и далее в отсылках к текстам первая цифра указывает страницу текста (в книге она дается внизу), вторая - строку.

12. См.: Зограф. Среднекитайский язык, с. 140; она же. Монгольско-китайская интерференция, с. 78-79.

Ю. А. Иоаннесян

ОБ ОБЩИХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ
ГЕРАТСКОГО ДИАЛЕКТА ДАРИ И РЯДА ПЕРСИДСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Основы некоторых глаголов в персидских диалектах Хорасана и гератского диалекта дари отличны от соответствующих им в литературном персидском и дари языках. Так глагол со значением "хотеть, желать" предстает в отмеченных диалектах в сильно измененном виде.

Первое упоминание с попыткой объяснить происхождение указанного глагола содержится в трудах В.Иванова. В работе "Persian as spoken in Birjand" автор указывает на заманчивость возведения формы *моуш* в диалектах Хорасана не к глаголу *хāstān* (*khwās-tān*)¹, а какому-либо другому, с иной основой, если бы не наличие многочисленных "переходных" форм между *михāхам* (*mi-khwāham*) и *моуш*: *махум* (*makhum*), *михом* (*mikhom*)². Таким образом, по-мнению В.Иванова, начальный *м* в *моуш* возник из глагольного префикса *mi-*. Одновременно с утратой гласного элемента префикса произошло и выпадение начального согласного основы *х*: *михāхам* > *моуш*.

Подобное объяснение, однако, противоречит новым данным об указанном глаголе. В гератском диалекте дари отмечены формы причастий прошедшего и будущего времени глагола "любить, хотеть": *māstə* // *māsta*; *māstani* : *be dūnim sad ko bə arjā be...ruz-i se tā waskāt māstə bešī be to tyār mikonan* "За двести пятьдесят [афгани] тебе в любом месте, где бы ты не пожелал, за один день сошьют три жилета"; *yak du piyāle du gilās-e šīr amgā-ye kik māsta bāšī miyāri mīxori* "Если [ты] захочешь одну, две пиалы чая с кексом, принесешь [и] выпьешь". Форма *māstə bešī* // *māsta bāšī* - 2 л. ед.ч. прош. вр. сосл. наклонения образуется от причастия прошедшего времени без префикса *mi-* // *мэ-*.

Субстантивированное причастие будущего времени того же глагола - *māstani* (с префиксом отрицания: *nāmāstani*) употребляется в гератском диалекте в значении "любимый" (соответственно - "нелюбимый"): *baše-ye māstani* "любимый сын"; *mādarun nāmāstaniyā-r yek-ir dād be gāwšarun dād-yeuk-i-r am dād be āyāwun* "Матерей тех недостойных любви сыновей [падишах] определил [на работу],